

Раздел 3 Проблемы переходности в языке

УДК 811.161.1'367.626'42

Л. В. Валеева

ДИСКУРСИВНОСТЬ ТРАНСФОРМАНТОВ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Дискурс стал неотъемлемой частью современной лингвистической действительности. Он как лингвистическая вселенная: имеет свою систему, свои тайны, возможно, является частью чего-либо более грандиозного, но пока непознанного. Загадка дискурса может быть решена только при совместном усилии ученых многих направлений. Тесное сотрудничество языкознания с коммуникацией, психологией, социологией, культурологией способствует возникновению принципиально новых технологий исследования. Так, дискурсивный анализ позволяет описать грамматические средства, являющиеся в то же время средствами представления коммуникативного поведения говорящего.

Как дискурс, так и дискурсивный анализ неоднократно характеризовались в специальных работах. В настоящее время можно выделить несколько подходов к определению дискурса.

Один из них связан с реальным бытием человека. В этом случае дискурс связывают с коммуникацией, с реальным речевым общением. В этом направлении рассматривается, каким образом сообщение становится частью потока постоянной смысловой активности, кому и для чего предназначается этот реальный речевой поток. В рамках данного направления изучается стиль сообщений, их роль в решении социальных проблем. Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова считают, что именно разработка дискурса как особого типа речевого потока формирует современный концепт интенциональности [10]. Такая трактовка дискурса при пересечении с многочисленными научными направлениями функционализма выводит на передний план коммуникативное поле. В нем, во-первых, наблюдается связь языкового значения с коммуникативными намерениями говорящего. Во-вторых, анализируется степень соотносительности любого языкового значения (лексического, грамматического, синтаксического) со смысловой информативностью. В-третьих, предполагается некий «чистый», или, как его называют, идеальный адресат, с ярко выраженным социальным статусом и другими усредненными характеристиками — коммуникант.

Следующий подход связывает дискурс с различными видами деятельности. Коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы. В.И. Карасик называет такой тип дискурса статусно-ориентированным [6]. Системный анализ общественных институтов современного общества позволяет исследовать военный, политический, юридический, религиозный, медицинский, спортивный и другие виды дискурса.

Третий подход можно назвать дискурс on-line. Центром дискурсивного пространства становится человек во всем многообразии модусов существования. Специфика живого вербального общения требует внимания к импровизации,

спонтанности, к личностным характеристикам коммуниканта. Создаются «коллекции» дискурсов с учетом психотипа говорящего, гендерной характеристики, тональности общения (шутливой, агрессивной, восторженной, надменной и т.п.). Каждый такой дискурс, с одной стороны, неповторим, с другой стороны, может быть типологизирован, так как включает обязательные и творческие (личностные) элементы, зависящие от национально-культурных, социальных факторов.

Именно дискурс с обезличенным субъектом речи более всего подходит для интерпретации сдвигов в семантике прагматически активных лексических единиц. Семантика таких слов стала объектом исследования российских и французских ученых в рамках сотрудничества Российской Академии наук и Национального центра научных исследований Франции в 1995-1998 годах [5]. В группу слов с дискурсивным статусом вошли академические частицы, междометия, модальные слова, «беспризорные» сочетания, подобные описанным Н.Ю. Шведовой в «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» (*мало ли что, самый что ни на есть, до того ли, как есть* и под.) [20]. Эти лексические единицы — дискурсивные слова — формируют особое дискурсивное пространство в соответствии с семантико-прагматической ориентацией. По выражению К.Л. Киселевой и Д. Пайар, они «придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивных слов» [5, с. 9].

Развитие коммуникативно-интегрированного подхода к функционированию языковых знаков позволяет по-новому взглянуть и на трансформационные процессы в частеречной системе, особенно для группы слов, чья семантическая структура неотделима от коммуникативной структуры высказывания.

Цель нашей работы — показать с помощью дискурс-анализа трансформантов русских местоимений генетическую преемственность исходных слов и дискурсивных слов.

Словарные единицы как представители частеречной системы традиционно выделялись лексическим значением (прямо-номинативным и производно-номинативным) или лишались его. Была отмечена поступательная редукция номинативной функции. Так, местоимения характеризовались утратой лексического значения, но сохранением категориального значения, а служебные слова — отсутствием обоих значений. Сам термин «служебные части речи» свидетельствует об одностороннем подходе к данной группе слов. С.Д. Кацнельсон, изучая закономерности развития речевого мышления, отмечает, что функции именованности, предикации и атрибуции подготавливают возможность образования предложений из слов и, соответственно, речи из элементов языкового строя. «Отождествляя элементы речи с элементами языка, мы рискуем утратить специфику этих важных разграничений и, тем самым, возможность понимания речевой деятельности как процессов формирования речи из элементов языкового строя» [7, с. 395]. Мы считаем, что абсолютно обоснованно ставится вопрос о корректности термина «служебные части речи».

Осознание речемыслительного процесса предполагают иную структуризацию словарных единиц. Исследователи семантики дискурса выделяют семантические единицы, формирующие ядро и периферию дискурса. К первым относятся единицы, участвующие в организации концепта и соотносящие текст с денотатом. Ко вторым — единицы, являющиеся средством «вербально-сукцессивного 'развертывания' мысли в единстве аспектуального, пространственного и модального аспектов» [1, с. 321]. Система языковых единиц второй группы немислима без дискурсивных слов, представляющих различные пресуппозиции, коммуникативные намерения, прагматические эффекты, ценностные и оценочные смыслы.

Особое место и в той и в другой классификациях отводится местоимениям. Они являются во многих отношениях парадоксальным классом слов: хотя и относятся к

знаменательной лексике, но отличаются от полнознаменательных единиц особенностями семантической структуры, своеобразием морфолого-синтаксических характеристик. Подобная «нестандартность» прономинальных слов вызвала несколько взаимоисключающих решений проблемы местоименности в истории русской лингвистической мысли. С одной стороны, местоимения включают в знаменательную лексику как самостоятельную часть речи [3, 4, 9, 19 и др.], с другой — лишают местоимения частеречной самостоятельности [14, 22, 2, 12 и др.]. Е.Н. Сидоренко и М.И. Откупщикова использовали иерархический подход в распределении слов по частям речи [13, 17]. Е.Н. Сидоренко, сопоставляя свойства полнознаменательных слов и местоимений, выделяет два способа обозначения объективной действительности: номинативный и прономинальный. Основной чертой прономинации является отсутствие закрепленной связи значения со звуковым комплексом и возможность использования разрядовой семантики в зависимости от коммуникативной потребности участников речевого акта. Зависимость местоимений от ситуативных и событийных факторов отражена и в категориальной семантике данного класса слов. Она соотносится с выражением прономинативами максимально абстрагированных понятий. Категориальное значение прономинативов формализует самые абстрактные, языковые значения: предмет, признак, количество, меру, место, время, цель, причину и под. Ср.: *что* — предметность, *какой* — атрибутивность, *сколько* — количество. Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова называют высокую степень абстракции местоимений функцией обозначения глобальных понятий бытия [21]. Данная функция свидетельствует о феноменальной способности языкового знака замечать всю полноту имеющихся знаний об объекте и таким образом участвовать в коммуникативном акте.

Сочетание в структуре местоименной единицы категориального значения, с помощью которого местоимение формирует объем востребованных знаний, и разрядового значения, характеризующего включенность языковой единицы в речевой акт, симптоматично. Структура местоимения в миниатюре демонстрирует двойственность структуры коммуникативного акта, в котором сосуществует абстрактная фиксация значения и коммуникативная ситуация с обязательным элементом изменения. Т.Е. Янко считает, что выразительными значениями речевого акта является коммуникативная структура дискурсивного высказывания и коммуникативная стратегия. Коммуникативная структура может одновременно рассматриваться как воплощение коммуникативной стратегии говорящего и как результат воздействия контекста, который навязывает говорящему тот или иной коммуникативный выбор. В то же время существует определенный изоморфизм коммуникативных структур, что дает возможность описывать по одной методике разные речевые акты — сообщение, вопрос, императив, восклицание и обращение. «Понятие коммуникативной стратегии иллюстрируется коллекцией особых коммуникативных стратегий с «богатой» коммуникативной семантикой» [23, с. 28].

Проанализируем коммуникативную структуру, включающую местоименную единицу. Вопросительное местоимение является одним из обязательных компонентов успешного речевого акта вопроса. Пропозициональный компонент смысловой структуры вопросительного высказывания заключает в себе основное информационное содержание, отображает некоторую ситуацию в пространстве дискурса и задает множество альтернатив для выбора ответа. Напр.: *Как же вы дальше будете жить?* [Вампилов] — прогнозируемое событие *будете жить* представляется истинным состоянием и вызывает цепочку соответствующих умозаключений. Обязательными элементами пропозициональной части являются содержание темы, то есть существующее положение вещей, и показатель темы. Напр.: *А что же тебе снится, герой?* — *Постные сны вижу...* [Шолохов] — показатель темы передает состояние собеседника, являющееся содержанием представленной в вопросе ситуации, и выводит особенности состояния на обсуждение: *что-то снится*. В смысловой структуре выделяют пресуппозиционный компонент, его еще называют условием

уместности. Он выбирает и обозначает вектор движения речевого акта, так как формируется на основе мнения говорящего об информированности адресата. Напр.: *Что вы там думаете, Саша?* [Астафьев] – предикат *думаете* совместим с набором пресуппозиций, допускающих любой прагматически обусловленный ответ о причине состояния Саши. Пресуппозиционный компонент вопросительного высказывания «отвергает» значение обобщенной предметности, предполагаемого у прономинатива *что*, так как требует комментирования представленной ситуации – «некто не решается войти». Для вопросительной структуры обязательна связь пресуппозиционного компонента с коммуникативным заданием («предусловием»). Пресуппозиция приведенного вопроса моделирует сценарий ответа: Саше необходимо задать вопрос или попросить о чем-либо, при этом Саша прогнозирует негативное отношение к любому его действию, поэтому пресуппозиция вопроса включает совет ускорить события.

Наименее исследованной частью структуры вопросительного высказывания, по мнению И.М. Кобозевой, является показатель иллокутивной функции [8, с. 294–296]. Показатель иллокутивной функции (установочный, прагматический компонент) устанавливает, в соответствии с какими целями и ожиданиями субъекта задействован пропозициональный компонент. Для вопросительной структуры это требование информации. Ср.: *Чего он говорит?* – *Просит спасти* [Астафьев] – описанная ситуация верифицирует участие трех человек в коммуникативном акте. Пресуппозиционный компонент утверждает знания спрашивающего и отвечающего о высказывании третьего участника и моделирует ситуацию неясности сказанного третьим участником. Установочный компонент вопросительного высказывания выражает требование уже известной другим информации.

Итак, семантическую структуру вопросительных местоимений в соотношении с коммуникативной структурой высказывания можно представить в виде контаминации двух составляющих – запроса информации и одновременной характеристики ситуации, обусловившей выяснение предмета, признака, явления объективной действительности. Это соотношение имеет следующие параллели: разрядное значение прономинатива соотносительно с установочным и пресуппозиционным компонентами дискурсивного высказывания, а категориальное значение как выражение основных ментальных и физических смыслов в языке – с пропозициональным компонентом, и как инструкция по построению ответа – с пресуппозиционным компонентом.

Исследование группы трансформантов местоименной лексики [18, 15 и др.] показало, что в современном русском языке доминируют процессы эмиграционной трансформации прономинативов – переход в другие части речи. Отмечен один субстантив *ничья*, безлично-предикативное слово *ничего*, группа контаминантов – слов, совмещающих признаки местоимения и союза (*кто, что, какой, чей, который, сколько, куда, откуда, как, когда, где, зачем, почему, отчего, насколько, какво*) или частицы (*какой (каков), как, что, сколько, никакой, никак, нисколько, насколько, такой(таков) столько, так, какой-то, какой-нибудь, как-то, где-то, что-то, сам, самый*), союзы (*что, чем, как, когда, то, так*), частицы (*что, как, куда, то (то-то), тем, того, так, это, там, тут, оно, себе, мне, тебе, всё, всего, всех, ничего*), междометия (*куда, так, то-то*). Трансформационный потенциал русских местоимений, то есть совокупность функциональных омонимов данной части речи, находится в процессе разработки, и список трансформантов прономинативной группы не является завершенным.

Мы наблюдаем несколько направлений эмиграционной трансформации прономинативов. Первое связано с формированием реляционных единиц для прагматической адаптации сообщаемого.

Наличие семы релятивности в семантической структуре вопросительных и указательных местоимений делают эти единицы перспективными для процесса

конъюнкционализации: элемент релятивности преобразуется в категориальное значение релятивности. Производные союзные единицы контролируют и квалифицируют связь между элементами пропозиционального содержания коммуникативного акта. Союзы и союзно-местоименные контаминанты (их еще по традиции прошлых столетий называют относительными местоимениями) обслуживают в соответствии с категориальным значением исходных единиц отношения темпоральности, каузальности, обусловленности, сопоставления и т.д. В то же время они прогнозируют концепцию говорящего и соотносят актуализируемую концепцию с точкой зрения адресата. М.В. Ляпон считает, что смысловая структура релятивов является многоступенчатой. Так, в ряде случаев можно выделить базовую сему (дескриптивную часть) и прагматический корректив. Например, семантика *как* формируется семой поиска аналога для сравнения и семой вымысленности, условности ассоциации [11]. Как видим, семантика союзов местоименного происхождения базируется на пропозициональном и пресуппозиционном компонентах семантической структуры исходной единицы.

Второе направление связано с формированием группы дискурсивов. Семантика дискурсивных слов влияет не на пропозициональное содержание фрагмента действительности, а на релевантность речевой установки. И местоимения, и частицы, и партикулянтно-прономинальные контаминанты, и междометия обладают способностью оформлять различные коммуникативные «интерпретации». Субъект в процессе коммуникативного акта рассматривает и осмысливает некоторое положение вещей, соотносит его со своими возможностями и желаниями, приписывает ситуации определенные свойства или демонстрирует собственное видение ситуации. Можно говорить, что дискурсивная семантика представлена двумя полюсами — утверждением, а именно идеализацией некоторого положения вещей, и отрицанием, то есть позиционированием собственной точки зрения. В пространстве между адекватностью и конкуренцией располагаются сложные конфигурации мира стремлений, желаний, чувств, фантазий.

В отличие от вектора местоимение — релятив, вектор местоимение — дискурсив эксплицирован модификациями прономинальной семантики. Обращение к уже рассматриваемой коммуникативной структуре вопроса подтверждает существование структур «шаблонов», модифицированных структур, которые участвуют в формировании группы вопросительных высказываний с нестандартной семантикой (интеррогативов), речевых актов не-вопросительного значения с вопросительным местоимением. [5, 16]. Дальнейшее развитие вопросительных предложений в несобственно вопросительном употреблении уже не связано ни со значением конкретных слов, ни со значением определенных грамматических форм. Местоимения трансформируются в дискурсивы, теряется связь с предметным категориальным значением, а разрядовое значение уже не координирует и не регламентирует дискурсивное поведение слова. Развитие дискурсивности трансформанта может идти по нескольким направлениям: например, пресуппозиция незнания перерождается в неуверенность (с гаммой различных оттенков — надежды, испуга и др.). Ср.: — *А что, мамаша, не добудем ли мы у вас ведро и немного соли?* [Шолохов]. Формируется группа контекстов, где вопросительные трансформанты *что, как* выступают в роли своеобразного показателя отрицания также с различными оттенками — негодования, возмущения: *...но уставший Звягинцев решительно запротестовал: — Ты что, зимовать тут собираешься?* [Шолохов].

Функциональная активность дискурсивных слов прономинального происхождения определяется полифункциональностью исходных слов, их быстрой адаптацией к новому сценарию коммуникативной ситуации. И все же проведенный анализ, который, несомненно, требует продолжения, демонстрирует некоторые требования к дискурсивному статусу трансформантов русских местоимений. Во-первых, это связь с реальным

положением дел, а точнее связь между знаниями о мире говорящего и самим миром с его законами и установками. Элемент истинности — важнейший атрибут дискурсивной семантики. Во-вторых, способность к прагматической асимметрии в зависимости от модальности акта высказывания или от интерактивных знаний коммуникантов.

Таким образом, разрядовое значение, то есть пресуппозиционный и установочный компоненты коммуникативной структуры прономинатива, в сочетании с прагматической активностью лексической единицы являются основным стимулом и гарантом формирования трансформанта-дискурсива местоименной единицы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. — М.: Высш. шк., 1986. — 160 с.
3. Гвоздев А.Н. Местоимение // Уч. зап. Куйбышев. пед. ин-та, 1955. — Вып.13. — С. 197-211
4. Гужва Ф.К. Морфология русского языка: Пособие для учителей. — Киев: Рад. шк., 1987. — 223 с.
5. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / по ред. К.Киселевой и Д.Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — 447 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
7. Кацнельсон С.Д. Категория языка и мышление: Из научного наследия. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 864 с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
9. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978. — 116 с.
10. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. Часть 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 126-160.
11. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / Отв. ред. И.И. Ковтунова. — М.: Наука, 1986. — 200 с.
12. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — М.: Просвещение, 1981. — 254 с.
13. Откупщикова М.И. Общая парадигматика в морфологии. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995. — 90 с.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. — 512 с.
15. Пономаренко О.А. Семантика та особливості вживання еквівалентів російських займенників (на матеріалі вказівного, неозначеного та узагальнено-визначального розрядів прономінативів): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — Дніпропетровськ, 1999. — 16 с.
16. Пузанко Л.В. Партикуляция вопросительных местоимений: функционально-коммуникативный анализ // Филологические студии. Украинский межвузовский филологический журнал. — № 1. — Симферополь, 2000. — С. 23-28.
17. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. — Киев — Одесса: Лыбидь, 1990. — 148 с.
18. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Учебный толково-грамматический словарь функциональных омонимов. Часть 1. Диахронная трансформация и функциональная омонимия (теоретический материал). — Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. изд-во, 2006. — 112 с.
19. Федосов В.А. Базисные и надстроечные категории в семантике местоимений // Русские местоимения: семантика и грамматика / Межвуз. сб. научных трудов. — Владимир: ВГПИ, 1989. — С. 26-32.
20. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи // РАН Институт русского языка. — М.: Азбуковник, 2003. — 378 с.
21. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. — М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. — 120 с.
22. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — С. 77-100.
23. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. — 1999. — № 4. — С. 28-55.

Статья поступила в редакцию 25.03.2006 г.

